

Чжэн Шихуа в ярости пнул низкий столик, и тот с грохотом опрокинулся. Чашки и чайник звонко разбились о пол.

— Хорошо! Раз уж ты такой принципиальный и хочешь сам себя содержать, отправляйся на трудовое перевоспитание. Увести их!

Подручные мгновенно окружили двоих. Чжэн Кэ попытался вырваться, но кто-то сзади ударил его дубинкой по шее. В груди вспыхнул жар, он не успел перевести дух и рухнул. Се Цюци продержался ненамного дольше: кому-то удалось прижать к его лицу платок, пропитанный чем-то едким. Поймав странный сладковатый запах, он потерял сознание.

Он спал очень долго. Ему снились родные места и мать.

Тогда ещё не было широкой набережной для влюблённых, не высадили кокосовые пальмы. Чжухай и вправду был всего лишь рыбацкой деревушкой. Он любил смотреть, как мать и другие женщины сидят на носу лодки и вяжут сети. Иногда они беззаботно болтали, и из-под широкополых шляп выглядывали загорелые, почти смуглые лица — здоровые, живые, открытые. А порой они молчали, опустив глаза, и работали сосредоточенно, с той же осторожной старательностью, что и животные.

Мать не хотела, чтобы он стал рыбаком, настаивала, чтобы поступал в университет. Но он даже в старшую школу не прошёл. Учёба не шла, на уроках клонило в сон, и в итоге он вернулся на промысел. В юности это казалось естественным — все вокруг жили именно так. Лишь попав на круизный лайнер, он понял, как велик мир за пределами деревни. Ему говорили, что он красив, внешне он оставался спокоен, но внутри тайно гордился. Из всех официантов именно за ним ухлёстывал наследник богатой семьи. Казалось, социальный лифт вот-вот заберёт его наверх, но в итоге он свалился вниз, осознав, как глубоко городские ловушки.

Чжэн Шихуа был прав в одном: ни внешность, ни любовь, ни друзья, ни наставники не стоят доверия. Надеяться можно только на себя самого.

Очнувшись, он почувствовал тошноту от качки. Позывы к рвоте подкатили к самому горлу. Не успев сдержаться, он изрыгнул кислоту прямо себе под ноги. Едкий запах мгновенно распространился, спровоцировав приступы сухой рвоты у соседей.

Се Цюци с трудом вытер рот. Глаза постепенно привыкли к темноте, и он стал различать окружение.

Они, по-видимому, находились в тесном помещении без окон, совершенно закрытом, даже двери, казалось, не было. На площади от силы в десять квадратных метров сгрудились больше двадцати человек. Кто-то спал, бессильно свесив голову, кто-то жался в темноте с выражением ужаса на лице, одна женщина плакала, прижимая к груди ребёнка.

— Где мы? — пронеслось в голове.

Он опёрся о стену. Ладонь ощутила холодную, неровную поверхность — не крашеную, а скорее металлическую. Когда он попытался встать, «комната» резко качнулась и швырнула его обратно. Споткнувшись, он поймал себя на ужасной догадке.

— Мы в море?

В десяти шагах от себя он нашёл Чжэн Кэ, всё ещё без сознания. Молодой барин выглядел неважно: даже во сне он съёжился, хмурясь и сжимая губы, будто видел кошмар. Се Цюци

проверил его дыхание — тот был жив.

— Чжэн Кэ... Чжэн Кэ... — Он растормошил его. — Пора вставать.

Чжэн Кэ вскочил от приступа паники, ухватившись за руку Се Цюци и тяжело дыша:

— Что? Что случилось?

— Это я. Пока всё спокойно.

— Мне плохо.

— Потерпи. Впереди будет ещё хуже, — у Се Цюци не было времени на утешения. — Похоже, мы в контейнере. Это не склад и не комната, я на судах бывал, я знаю...

Чжэн Кэ его не слушал. Ему и вправду было дурно, а череда потрясений довела нервы до предела.

В аэропорту он ещё не осознавал реальности происходящего, но теперь понял — он потерял всё. Впервые в жизни с ним обращались как с куском мяса на разделочной доске. Кругом тьма, опасность подстерегает повсюду. Неизвестно, откуда и когда может грянуть выстрел, который отправит его к родителям и старшему брату.

Он уже не слышал, что говорит Се Цюци. Им овладело отчаяние, и он думал лишь о том, что смерть стала бы избавлением.

Вдруг чья-то рука коснулась его мокрого лица. Он понял, что плачет.

Желая сохранить последние остатки достоинства, Чжэн Кэ быстро вытер слёзы. Се Цюци, видя это, почувствовал, что был излишне суров, и в знак примирения притянул юношу к себе.

Чжэн Кэ покорно прижался к его плечу:

— Мы выберемся живыми?

Се Цюци опустил глаза и не ответил. Скучный свет падал на его лицо, осунувшееся до неузнаваемости, с глубокими тенями под глазами, отчего оно казалось ледяным и отстранённым. Казалось, этот вопрос вызывал у него глубочайшее отвращение.

Чжэн Кэ внезапно подумал, что сама жизнь, возможно, и есть нечто отвратительное.

Они не знали, сколько провели в контейнере.

Чжэн Кэ изнывал от голода. Боль в желудке сменилась оцепенением. Горло горело, и, казалось, даже слюна иссыкла. Сознание затуманилось, реакции на свет и звук притупились. Он, наверное, ненадолго проваливался в сон, но затем вскакивал, разбуженный обрывками кошмаров.

Но всякий раз, открывая глаза, он видел рядом Се Цюци, неподвижного и погружённого в свои мысли.

Когда Чжэн Кэ уже начал галлюцинировать, контейнер дрогнул.

Быстрый подъём и последующее падение вызвали чувство невесомости, а затем одна из стенок

отъехала в сторону.

Яркий свет, солёный запах моря и обжигающий ветер ударили в лицо. Это был свежий воздух.

Никто не решался пошевелиться. Десятки глаз в растерянности смотрели на мир, словно глаза новорождённых.

У входа, широко раскинув руки, стоял мужчина в камуфляже и сиял ослепительно-белой улыбкой.

— Добро пожаловать в Африку.

Авторское примечание:

Начинаю новую историю! Жду ваших комментариев и добавления в избранное. Спасибо!

— Добро пожаловать в Африку. Вам здесь понравится.

Чернокожий, подобно овчарке, сгоняющей овец с загона, выгонял их из контейнера:

— Выходите, все выходите! За мной, не отставайте! Двигайтесь, быстрее! Впереди долгий путь.

Его подчинённые, одетые как солдаты, были вооружены. Никто не смел ослушаться. Чжэн Кэ шёл в хвосте колонны, а Се Цюци прикрывал его спину. У выхода Овчарка пристально посмотрел на Чжэн Кэ, многозначительно ухмыльнулся и велел ему следовать за остальными к грузовику.

Чжэн Кэ шатался, едва передвигая ноги. Он жаждал воды — сейчас он отдал бы всё за глоток.

Ноги, затекшие от долгого сидения, подкашивались, он чуть не упал, но чья-то рука подхватила и поддержала его.

— На два часа, на маяке. Видишь флаг? Узнаёшь страну? — тихо спросил Се Цюци.

Чжэн Кэ с трудом повернул голову. На вершине маяка развевалось красно-чёрное полотнище. Серп и половина шестерни пересекались, а в объятиях шестерни покоилась золотая звезда. Ответ ошеломил его, и он усомнился, не спит ли до сих пор.

Впереди внезапно вспыхнула суматоха.

Женщина, воспользовавшись невнимательностью солдат, рванулась наутёк. В панике она сбросила обувь и босиком помчалась по раскалённой каменной набережной к стоявшему у причала судну.

Овчарка заметил её. Он прицелился и дал две очереди. Пули просвистели у самой её лодыжки, заставляя метаться из стороны в сторону, что вызвало хохот у солдат.

— Влево! Бей влево! Ха-ха, смотри, она не знает, куда бежать! — солдаты азартно наблюдали за охотой.

Дистанция была великовата. Овчарка сменил оружие. Один точный выстрел — и задняя часть черепа женщины разлетелась, выплеснув кровь и мозги. Она рухнула на землю, застыв вполоборота, с лицом, покрытым пылью, и широко раскрытыми, невидящими глазами.

Овчарка и солдаты хлопали друг друга по ладоням, ликуя: «Отличный выстрел!»

Чжэн Кэ хотелось вырвать, но желудок был пуст. Осталась лишь тошнота, сжимающая горло.

Зато теперь он совершенно точно знал — это не сон.

Се Цюци хотел его успокоить, но тот покачал головой:

— Кстати, это флаг Анголы.

Стоял октябрь, но южноафриканский континент по-прежнему изнывал от палящего зноя. Грунтовая дорога, дымясь от жары, вилась вперёд, вглубь высокогорного плато. Это было одно из древнейших плато в геологической истории, со средней высотой более 1300 метров. Оно лежало в кольце речных систем, слева обнимая Конго, справа — Замбези. Под красной почвой таились богатые залежи кристаллических пород, а железная и марганцевая руды составляли важнейшую статью местного дохода.

<http://bllate.org/book/15957/1426753>